

ИНТЕРНЕТ И ДЕМОКРАТИЯ: КРИЗИС ОПТИМИЗМА

Я. В. Самарин

Санкт-Петербургский Государственный Университет, факультет политологии,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
y.samarin@spbu.ru

Аннотация: в данной статье рассматривается проблема воздействия таких технологий как блокчейн и социальные сети на политический процесс. Автор придерживается позиции, что в настоящий момент их роль сильно преувеличена, поскольку скорость появления таких технологий и информационный шум искажают объективную оценку их эффективности.

Ключевые слова: блокчейн, социальные сети, демократия.

Начиная с 1990-х гг. восприятие перемен в сфере ИКТ происходило в целом по двум, дополняющим друг друга, направлениям. С одной стороны, сформировался ценностный подход к коммуникационной революции. Сформировалось представление, что развитие интернета неразрывно связано с продвижением демократии. (См., например, Ю. Хабермас, М. Кастельс, К. Хакер, Х. Фрэнк, автор Декларации независимости Киберпространства Дж. Барлоу, Дж. Гилдер и др.). Если первоначально предполагалось, что интернет это оружие против автократий, то, в дальнейшем, он воспринимался уже как способ преодоления кризиса, затронувшего представительную модель демократии, вплоть до возвращения к прямой демократии. Другим направлением стал анализ социальных и экономических изменений, когда на смену вертикально-интегрированному обществу приходит сетевое, а в последнее время заходит речь уже и о «пост-сетевом», которое теперь предположительно не нуждается в длительных капитализируемых горизонтальных социальных и институциональных связях, поскольку они могут быть выстроены ad hoc с помощью современных технологий.

Но насколько Интернет на самом деле способствует демократизации? Характеризуя происходящие изменения в сфере политики, экономики и коммуникаций, привычным стало определение: «беспрецедентные по скорости и охвату». [1, с. 18]. Под этим, обычно, подразумевается качественный аспект трансформаций, но, как кажется, ключевым в данном моменте является параметр скорости. Сложно отрицать стремительность перемен, но при этом необходимо помнить: сама скорость процессов влияет на их понимание. По сути, мы оказываемся в ситуации, когда реагируем на изменение быстрее, чем оно докажет свою состоятельность.

Можно говорить о том, что прошло 3 волны интернет-оптимизма, соответствующих развитию как самой технологии, так и адаптации к ней самого общества. Первая, возникшая еще в к. XX в. в целом соответствовала нарративу «конца истории». На фоне третьей волны демократизации и перехода к информационной экономике автократии, казалось бы, стоят перед достаточно ограниченным выбором: либо начать модернизацию и внедрять интернет, согласившись отказаться от монополии на информацию, что, в итоге, приведет к неизбежной демократизации режима, либо быть обреченными на экономическое отставание (что, в конечном счете, тоже должно послужить катализатором к переменам). Однако, уже к началу нового тысячелетия авторитарные режимы справились с этим вызовом, научившись ограничивать и контролировать доступ к информации. Классическим примером тут является китайский сектор интернета. При этом, сами IT-гиганты, например, Yahoo!, оказались в достаточно большой степени заинтересованы в выходе на новые рынки и делились информацией с автократиями о диссидентской деятельности в сети. В целом, этот период завершился после того, как dot-com кризис заставил пересмотреть перспективы интернет-экономики, а теракты 11 сентября вызвали растущий контроль над интернетом и в демократических государствах.

Второй этап был связан с развитием социальных сетей, мобильного интернета и появлением смартфонов. Если перефразировать высказывание Хью Лонга, предполагалось, что теперь «каждый человек сам себе медиа». Возможности по демократизации теперь

затрагивали не только авторитарные режимы, но и западные политические системы. Предполагалось, что социальные сети разрушат барьеры между элитой и политиками. Возможность финансирования избирательных кампаний с помощью микровзносов должна была снизить влияние крупных корпораций, разрушить барьеры в виде СМИ и партийного аппарата, а также ангажированных экспертов.

Распространенность интернета и доступность технических средств связи сделали возможным феномен DIY-медиа («do it yourself»). Возникающие новые медиа и социальные сети должны гарантировать доступ гражданского общества к политической публичной сфере. Благодаря низкому входному барьеру для формирования контента традиционные масс-медиа лишаются монополии в информационном пространстве и создают переход от логики «отправитель - получатель» к логике «многие - многим». Современная инфраструктура социальных сетей с множеством подгрупп, возможностью массовых рассылок, связанные с ней мультимедийные платформы, открытые энциклопедии на Wiki-движке: все это создает условия для воплощения принципов, заложенных в теории делиберативной демократии. Общественная самоорганизация во многом основывается на тех же социальных сетях и возникает, в первую очередь, для выражения недовольства в условиях экономического кризиса, т.е. для контроля за политикой. Также, она используется для формирования новых безлидерских движений, которые могли бы на равных соперничать с традиционной политической машиной и выражать мнение «забытого» гражданина. Все это приводит к тому, что начинают говорить о третьей стадии демократии: после прямого народовластия античности и представительной партийной модели нового времени, возникает демократия коммуникационных сетей: мониторинговая, или «медиа-демократия». Таким образом, возникают левопопулистские партии «Podemos» в Испании и движение «5 звезд» в Италии. Развитие этих технологий сыграло важнейшую роль на первом этапе «арабской весны», когда возник феномен так называемых «Twitter-революций». Считалось, что такие сетевые движения могут эффективно противостоять старым вертикально-интегрированным автократиям, позволяя обходить ограничения на организацию и обмен информацией.

Но спустя более 10 лет активного использования социальных сетей и мобильного интернета можно сказать, что подобный энтузиазм был несколько чрезмерен. Говорить о торжестве мониторинговой демократии, как минимум, преждевременно. Во-первых, движения подобного рода, возникнув на антиистеблишментной волне как гражданское недовольство и получив значимый прирост голосов, через несколько лет сталкиваются с кризисом идентичности. Они оказываются партнерами традиционных партий (пусть и популистского характера). В этом случае, происходит, по сути, их поглощение более опытными партнерами, которые, за счет лучшего осознания политического механизма представительной демократии перехватывают успех, частично заимствуя идеи, частично — изменяя их в сторону большего мейнстрима.

Подобного рода поглощение переживает в настоящий момент итальянское движение «5 звезд», которое, получив вдвое больше «Лиги Севера», казалось бы, должно играть главную роль в коалиции, но уже спустя год становится очевидным, что гораздо более опытная «Лига» определяет повестку правительства. А после разрыва с «Лигой», «5 звезд» образуют союз с еще более системной Демократической партией. Президентская администрация Трампа так же постепенно расстается с лидерами популистской волны в пользу более системных политиков, а Республиканская партия, частично приняв программу правых популистов, нейтрализовала излишний радикализм. Та часть антиистеблишментного движения, которая не готова к подобной модели «слияний и поглощений», довольно быстро маргинализируется: примером тут может служить костяк альтернативных правых — они в ожидании начала настоящей революции Трампа постепенно впадают в конспирологию и радикальный белый национализм. Наконец, происходит перерождение самих движений. Возникнув как институт «мониторинговой демократии» — с течением времени, с каждой избирательной кампанией, подобные организации все больше становятся похожими на старые политические партии.

При этом, резкий рост как производства контента, так и возможностей по его передаче и получению, создал проблему фильтрации информации. Так как эксперты стали

рассматриваться в качестве заинтересованной стороны, а традиционные СМИ утратили роль арбитра и защитника интересов общества, то произошло размытие понятия «истинности». Особенно заметным это стало в условиях пандемии, когда множились и распространялись новости, графики и прогнозы. Например, самым известным из которых стала переведенная на множество языков статья, автором которой оказался вовсе не медик или статистик, но специалист по сторрителлингу. Так, те же свойства социальных сетей, которые, казалось, должны были стать основой для делиберативной демократии, становились источником распространения фэйков и возникновения «эхо-камер». Французский социолог Доминик Уолтон считает, что интернет вызывает усиление неравенства, а расширение к доступу, созданию и передаче информации не равно улучшению качества контента. [2] Отдельно надо отметить технологический фактор. Если социальные сети и новые медиа становятся платформой для создания новых движений и контроля за политикой, то новые возможности работы с данными становятся орудием их победы. Брексит и Трамп внушили в буквальном смысле священный трепет перед Big Data, способной через анализ «цифрового следа» составить психологический портрет пользователя и сформулировать для него персональный контент, тем самым подвигнув его поддержать ту или иную политическую силу. Лидер-популист обрел возможность доносить свои призывы с гораздо большим эффектом чем когда-либо ранее. Сами же интернет-корпорации уже подвергаются серьезной критике за их бизнес-модель, предполагающую тотальное отслеживание действий пользователей, фактически уничтожившую понятие приватности и свободы слова.

Наконец, третья волна интернет-оптимизма, возникшая во второй половине 2010-х гг. на фоне развития технологии «блокчейн». Феномен блокчейна, в первую очередь, оказался связан с лихорадкой криптовалюты и поэтому привлёк к себе массовое внимание. На фоне популярности биткойна стало возможным говорить и о более широком применении данной технологии, в том числе, и в сфере экономики, права и публичной политики [3; 4; 5]. Сам по себе криптовалютный бум отлично демонстрирует тот феномен, о котором сказано в начале статьи: скорость изменений влияет на восприятие, а новая экономическая модель, по крайней мере на сегодняшний день, оказывается либо пока ещё отдаленной перспективой, либо лишь очередным пузырем. С падением курса биткойна возражения критиков криптовалюты, как экономистов, так и технических специалистов становятся все более значимы. [6; 7] Пока лишь возрастают уровень энергозатратности и время на совершение транзакций. При этом, по словам критика криптовалют, экономиста Н. Рубини: «Классическое свойство новых прорывных технологий – быстрое падение стоимости транзакции. Стоимость транзакции в криптовалюте продолжает расти» [8]. Значительную часть тех возражений, которые применимы к криптовалюте, можно отнести и к применению технологии блокчейн в публичной сфере.

Во-первых, сам алгоритм на сегодняшний день обладает значительным количеством уязвимостей. Несмотря на постоянные модификации, в коде смарт-контрактов, должных стать основой новой экономики и правовой сферы, ошибок встречается все еще гораздо больше, чем в продукции Microsoft, стоящей на каждом компьютере. Пока криптовалюта, смарт-контракты и блокчейн рассматривались в парадигме анархо-либертарианства и разрабатывались группой энтузиастов, их уровень защиты мог и не отличаться высокой надежностью. Блокчейн, как основа правовой и экономической системы на государственном уровне, станет объектом атак как со стороны других государств и террористов, так и со стороны тех же анархо-либертарианцев.

Во-вторых, в настоящий момент ведутся разработки квантового компьютера, который произведет революцию в криптографии, поэтому говорить о сосуществовании двух технологий представляется сомнительным.

В дальнейшем, конечно же, существует возможность развития и совершенствования данной технологии, но не менее вероятно, что эта ветвь окажется тупиковой, как пейджер или дирижабль.

Подводя итог, можно сказать, что Интернет и связанные с ним технологии в какой-то момент стали рассматриваться не столько как инструменты, позволяющие достичь определенного результата, сколько искать возможность использовать его на благо демократии и видеть в нем способ укрепления демократических институтов и увеличения участия граждан в политике. Результатом использования такого ценностного подхода каждый раз становилось нарастающее разочарование. Вместе с тем, если оценивались бы инструментальные аспекты, возможно было бы предотвратить отдельные негативные факторы, такие как эхокамеры, либо рост фэйк-ньюз. Таким образом, хотелось бы избежать как излишнего технооптимизма, так и техноалармизма. Значительная часть технологий объявляются прорывными во многом авансом, и, на самом деле, предполагают лишь ограниченное воздействие на политические институты, процессы и режимы.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00705 "Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия"

Список используемой литературы:

1. Кин Д. Демократия и декаданс медиа. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
2. Wolton D. Internet et après?: Une théorie critique des nouveaux médias. P.: Flammarion, 2000. 240 p.
3. Beck, R. et al. Governance in the Blockchain Economy: A Framework and Research Agenda // Journal of the Association for Information Systems. 2018. Vol 19, № 10.
4. Swan M. Blockchain. Blueprint for a New Economy. O'ReillyMedia, 2015. 226 p.
5. Шерстобитов А. С., Кусик, О. А. Криптовалюты как вызов управляемости: публичная политика современных государств в различных сетевых и политико-административных контекстах // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Том 4, № 2.
6. Williamson, S. Is Bitcoin a Waste of Resources? // Federal Reserve Bank of St. Louis Review. 2018. Vol 100, № 2.
7. Stinchcombe K. Don't Believe the Hype: There Are No Good Uses for Blockchain // American Banker. 2018. Vol 183, № 2.
8. Нуриэль Рубини: «Криптовалюты хуже Северной Кореи» // РБК URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5bbb3e4a9a79470430424b2e> (дата обращения 05.04.2019).

INTERNET AND DEMOCRACY: THE CRISIS OF OPTIMISM

Y. V. Samarin

*Saint Petersburg State University, the Faculty of Political Science,
Saint Petersburg, Russian Federation*

Abstract: This article examines the problem of the impact of technologies like a blockchain and social media to the political process. The author focuses that their role is greatly exaggerated at this moment, since the speed of the emergence of such technologies and information noise distorts an objective assessment of their real effectiveness.

Keywords: blockchain, social media, democracy

ГРНТИ 02.31.31

НЕЙРОТЕХНИКА И НЕЙРОТЕОЛОГИЯ. СОЗНАНИЕ ВЕРУЮЩЕГО

С.А.Семенухин

*Самарский государственный медицинский университет, г. Самара, РФ
sereja.semen2015@yandex.ru*